

А.Н. ДАНИЛОВ,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ НАН БЕЛАРУСИ (МИНСК),
Ж.М. ГРИЩЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ГЛУБОКИЙ КРИЗИС ИЛИ БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ?

Акцентируется внимание на методологических основаниях формирования самостоятельного междисциплинарного направления – политической социологии. Отмечается ряд противоречивых тенденций, нерешенность которых стала препятствием развития дисциплины. Обосновывается стремление к достижению консенсуса в признании предметной методологии данной дисциплины как отправной точки в объяснении ее качественной определенности и необходимости переключения внимания на объективацию закономерностей функционирования актуальной политической практики как первоосновы теории среднего уровня – политической социологии.

Attention is paid to the methodological grounds as actualized to form political sociology as a separate interdisciplinary direction. Observed are a number of controversial tendencies which have been unsolved yet that prevent the development of the discipline. The grounds are given to the necessity of getting consensus in recognizing the subject methodology of the given discipline as a reference point to explain its qualitative certainty and a need to switch attention to objectify laws of the functioning of the actual political practice viewed as the basis of a middle-range theory which political sociology is.

1. Парадоксы становления или тактика научной мимикрии

Процесс становления научной дисциплины, тем более, если она претендует на самостоятельный статус в структуре научного знания, может быть представлен сравнительно **продолжительным** временным интервалом. С точки зрения методологии науки в рамках обозначенного периода формируются те **основания** дисциплины, совокупность которых может быть признана **достаточной** для ее (дисциплины) **конституирования** (оформленности) в качестве **самостоятельного** научного направления. К числу таких **обязательных оснований** (или критериев) научной дисциплины относят: наличие **самостоятельного объекта** или **предмета**, накопление эмпирической базы данных, позволяющих объективировать **закономерности** развития и функционирования объекта исследовательского интереса, оформленный **категориальный аппарат**, посредством которого транслируется содержание дисциплины и выкристаллизация ее **методов**.

Если с этой точки зрения попытаться очертить тот **временной интервал** в исторической ретроспекции общественно-политических учений (философских, социологических, политических), когда, строго говоря, политическая социология заявила о своем **самостоятельном статусе**, то он окажется приближенным к середине XX ст. И ассоциируется с именем американского исследователя С.М. Липсета, предпринявшего первую попытку (датированную 1957 г.) обоснования политической социологии как **специфической** отрасли политического знания*. **Отечественная** политическая

* Хотя сам С.М. Липсет связывает зарождение социологии политики с кризисом Реформации и промышленной революцией, «которые возвестили о приходе современного общества», впервые представив «на всеобщее обозрение различие между обществом и государством», получившими теоретическое осмысление прежде всего в трудах Маркса, Токвиля, Вебера и Михельса¹.

социология, таким образом, отстает в своем развитии от соответствующих аналогов США и Запада приблизительно на полвека. Возможно, данный факт покажется кому-то не совсем справедливым и даже оправданным с учетом пролонгированного на десятилетия «табу» (вплоть до середины 1960-х гг.) на включение социологии как «буржуазной науки» в комплекс гуманитарных дисциплин. Но как бы мы не относились к обозначенному факту, именно **запоздалый** (в сравнении с мировыми тенденциями) характер становления отечественной политической социологии во многом обусловил ее качественную определенность, объясняя **своеобразие** этого процесса в нашем случае.

В первую очередь это находит свое выражение в **отсутствующей** до недавнего времени **эмпирической базе** данных, достаточных для объективации **закономерностей** функционирования отечественного поля политики. Здесь следует напомнить о существовавшем на всем протяжении советского периода сознательном **ограничении** исследовательской практики в ее преломлении к анализу политических реалий.

Активное вторжение отечественной социологии в политические процессы современности, заявившее о себе в последнее десятилетие XX столетия (в ходе перестройки), до настоящего периода не получило достаточно серьезного и смелого осмысления хотя бы на уровне **эмпирических закономерностей**. Справедливости ради следует отметить активность в этом вопросе российских исследователей. **Включение в научный оборот** мощной базы **эмпирических** данных практически по всем актуальным субъектам современной политической жизни России само по себе заслуживает внимания. При этом надо иметь в виду, что задействованный банк эмпирических данных **уникален** с точки зрения отраженного в нем **временного интервала**, ставшего уже историей, а также с учетом широкой **представительности** современных политических акторов-субъектов политического процесса².

Актуальное содержание поля политики Беларуси в смысле его **эмпирической представительности** выглядит **менее выразительно** (в сравнении с российским), ибо в реальности не имеет такой **масштабности** заявивших о себе индивидуальных и коллективных субъектов политики. Наряду с этим специфика белорусской инварианты социально-политических трансформаций обусловила **своеобразие** отдельных **закономерностей** поля политики, выраженных, например, на уровне партийного строительства, своеобразия электорального поведения, характера институционализации общественного мнения, бедности политического рынка на лидеров, наконец, – парадоксальности феномена белорусской оппозиции. Несмотря на успешное функционирование целого ряда социологических структур, располагающих арсеналом интересных эмпирических данных, их осмысление на уровне **закономерностей** актуального поля политики Беларуси до настоящего времени остается «за кадром» исследовательских инициатив.

Здесь надо упомянуть еще об одном важном факторе, предопределившем **специфику** отечественной политической социологии. Ее содержание в настоящем все еще испытывает последствия, с одной стороны, **идеологической**, а с другой – **теоретической загруженности** наших обществоведов. Именно данными обстоятельствами объясняется **элиминирование** интеллектуальных интенций современных представителей политических наук в направлении артикуляции **закономерностей** эмпирического поля. Между тем более чем двадцатилетний опыт изучения разворачивающихся на всем постсоветском пространстве политических реалий можно считать вполне достаточным для формирования **эмпирической теории** актуального поля политики.

В этой связи вполне оправданным воспринимается **скептицизм** историков политической социологии, констатирующих тот факт, что в последние

десятилетия интеллектуальных усилий ученых в странах Восточной Европы «хватает главным образом на то, чтобы редуцировать идеи западноевропейских и американских авторов в прикладные социологические исследования с политической тематикой»³.

Проблема, разумеется, не во мнении (хотя и вполне справедливом!) о нас западных коллег. Куда более значимо то, что в ситуации отсутствующих закономерностей нет и оснований для **констатации** самостоятельного **научного направления**. Более того, сознательное абстрагирование от сути (закономерностей) современных политических процессов с лихвой компенсируется «уходом» отечественных политических социологов в сферу **абстрактных теоретизирований**, порой граничащих с бесплодными **схлестическими** рефлексиями. Именно такой характер, в частности, приобрела растянувшаяся на десятилетия дискуссия о дифференциации политологии и политической социологии. Дискуссия не только не привела к конкретному результату, но и получила «подпитку» для дальнейшего углубления. Так, например, ряд российских исследователей пытаются достичь консенсуса в «разведении» синонимического ряда понятий (параллельно дисциплин) – «политическая социология» и «социология политики», обозначив соответствующие сферы влияния⁴.

Одновременно обозначенные в контексте **предметно-объектного дискурса** «откровения» отечественных политических социологов оказываются на поверку ничем иным, как «открытием велосипеда», приоритетность которого принадлежит опять же представителям политической науки США и Запада.

Есть и еще один **парадокс** современной политической науки, нашедший своеобразное преломление в интересующем нас вопросе. Он, вне сомнений, связан исключительно с отечественным социальным контекстом, хотя и несет глубоко имплицитный **нравственный** характер. Очевидная продолжительность споров и многогранность подходов, доходящая порой до филигранных смысловых нюансов в определениях и точках зрения на проблему дифференциации политологии и политической социологии, заставляет задуматься об **истинных мотивах** такого акцентированного внимания отечественных исследователей на данной проблеме. Действительно ли заинтересованность в истине руководит нашими обществоведами в их искреннем желании отмежеваться друг от друга раз и навсегда?

Дело в том, что нигде в мире (во всяком случае, в анналах передовой политической мысли США и Запада) нет прецедента такого усиленного противопоставления политологии и политической социологии, равно как и социологии. Ни в одном иностранном учебнике вы не найдете таких пространственных рассуждений по обозначенному поводу. Более того, хорошо известен факт распространенного в практике США термина «политические науки», куда закономерно включается весь комплекс сфокусированных на политике дисциплин. Параллельно в странах Запада этот же спектр дисциплин интегрирован понятием «политическая социология». Аналогичные тенденции, объединяющие исследователей политической сферы в единое целое, наблюдаются и в деятельности международных социологических (ISA) и политологических (IPSA) ассоциаций, параллельное членство в которых определяется исключительно исследовательским интересом к политике как таковой.

Обозначенные в мировой практике тенденции свидетельствуют о главном: нет никакой иной **смысловой определенности** в понятии «политология» кроме его **интегрирующей** функции, органично синтезирующей в себе весь комплекс дисциплин, объектная ориентация которых выражена в основном смысловом **концепте** исследовательского интереса – **политике**. Сюда относят философию политики, социологию политики, историю политики, геополитику, этнополитику, международную политику и др.

Каждое из названных конкретных направлений подходит к объекту политики под своим углом зрения, с точки зрения своей профессиональной матрицы (предметной методологии) и является одновременно отражением **политологической** сферы научного познания.

Следовательно, к любой из перечисленных дисциплин в равной мере применима **статусная характеристика политологии** или **политической науки**. В этой связи традиционные для отечественной практики **сопоставления** политологии с любой из существующих конкретных политических дисциплин имеют смысл лишь в одном: сравнении логического **объема** понятий, вынесенных в названия этих дисциплин. В данном контексте сравнение между политологией и политической социологией окажется на стороне политологии как более **широкого** по сути понятия, объединяющего в себе ряд политологических дисциплин. Политическая социология лишь одна из них, но от этого ее статусная определенность как **политологической** дисциплины не имеет аргументированных возражений.

Никакой специфический объект за чистой политологией не стоит. Все ее объекты разобраны конкретными дисциплинами политологической сферы. Что касается интегративной функции политологии, то она сопряжена с характеристикой, имманентно свойственной данному понятию как наиболее емкому по своему содержанию. Аналогично никакой **общеметодологической функции** для конкретных дисциплин политического спектра политология как таковая (чистая политология) не несет, по крайней мере, в настоящем. В этой связи ее рассмотрение в обозначенном методологическом ракурсе сегодня – это своего рода **аванс** на будущее, очертания которого весьма иллюзорны. Поэтому сложно не согласиться с выводом методолога Ягеллонского университета Барбарой Крауз-Мозер в том, что заявка политологии на **общеметодологическое значение** «слишком масштабная и амбициозная цель, чтобы можно было воспринимать политологию как обособленную однородную дисциплину с собственной методологией, следовательно, название это употребляется несколько “на вырост”»⁵.

Символически в этой связи тот факт, что в нашем отечественном опыте приверженцами общей политологии являются преимущественно представители научного коммунизма, в недавнем прошлом реализующие идеологическую, политическую и параллельно методологическую функции для всего общественно-научного познания. Их современное активное позиционирование в нише «чистой» политологии представляет собой, надо честно признать, попытку **редукции** утраченной методологической стратегии с учетом изменившегося социально-политического контекста. К сожалению, ничего иного, кроме ассоциаций со своеобразной **формой научной мимикрии**, данные попытки не несут. Зато тормозят в главном – **критической рефлексии политической практики**, что и призвана решать современная политическая социология.

2. Объектный плюрализм или интеллектуальный хаос?

Объектная фокусировка политической социологии на взаимодействии **политики, власти и общества** не вызывает возражений лишь на первый взгляд. В действительности же обращает на себя внимание тенденция **расширительного** толкования объекта исследовательского интереса политической социологии, особенно характерная для американской и западной школ. Если, к примеру, с этих позиций проанализировать содержание классического труда С.М. Липсета «Политический человек. Социальные основы политики», то можно убедиться в том, что **ведущие объекты** ориентации политической социологии задействованы ничуть не чаще (если не меньше), чем иные, транслирующие широту тематик акцентированного внимания со стороны исследователя.

Начнем с того, что в целом работа сфокусирована на **демократии** как форме политической системы, исследование которой автор считает

«ключевой задачей политической социологии»⁶. Далее можно перечислить по меньшей мере с десятков объектов, представляющих для автора первостепенный интерес из-за их принципиального значения в контексте анализа демократической системы, понимаемой как условия, обеспечивающие баланс между **социальными конфликтами** и **политическим консенсусом**. Отсюда закономерный «уход» в область конфликтологии. Целенаправленному анализу подвергнуты темы **экономического развития** и **легитимности**, ибо оба эти фактора, по мнению автора, «более всего связаны с проблемой стабильной демократии». Параллельно отдельный исследовательский акцент реализован автором в отношении **религии, семьи, партий, профсоюзов** как ведущих интегративных институтов, закономерностей **электорального поведения, бюрократии** и т. д. Одним словом, перечень **широкой вариативности объектной** сферы политической социологии С.М. Липсета можно продолжить. Собственно суть констатированного нами факта (плюрализм объекта) трактуется самим автором как закономерное следствие **методологического** подхода, где «комплексные характеристики системы в целом имеют многомерные причины и последствия в той мере, в какой эти характеристики обладают определенной степенью автономии в рамках системы»⁷.

Объектный плюрализм политической социологии со всей очевидностью заявляет о себе даже при условии поверхностного знакомства со структурой любого западного учебника по данной дисциплине.

С одной стороны, достаточно рельефно выражает себя **тенденция «размытости границ»** в отражении объекта исследовательского интереса между политической социологией и социологией в целом, в том числе рядом отраслевых социологических дисциплин. В частности, в самостоятельные подразделы в ряде западных учебников выделены проблемы социального неравенства (включая классовое, национальное, гендерное, международное), семьи и интимных отношений, здоровья, болезней и сексуальности, социологии тела, девиантного поведения и преступности. Здесь же активно обсуждаются вопросы урбанизации и глобализации.

Такая же «стертость граней» в понимании объекта исследования наблюдается между политической социологией и рядом других дисциплин политологического спектра: например, этнополитологией (тема «этнических бунтов»), политической коммуникацией (тема форм артикуляции политики) и т. п.⁸

Совершенно очевидно, что в рамках политической социологии изучается все, что отмечено политическим влиянием или следствием.

В отличие от зарубежных аналогов в отечественном научном опыте достаточно рельефно заявила о себе обратная **тенденция – сужения сферы объектного интереса** политической социологии. Так, например, российские авторы предприняли попытку искусственного **размежевания** ведущих объектов сферы политической социологии – власти и политики. Поводом послужила уже упомянутая нами попытка дифференциации **социологии политики** и **политической социологии** на две самостоятельные дисциплины. В качестве критериев подобной дифференциации выступает предложенный компромисс **сфер влияния**, которые, собственно, и отражают объект исследовательского интереса. Естественно, что заданная логическая аргументация приводит к констатации принципиальной разницы в **объектной** ориентации двух дисциплин. В случае с социологией политики ее объект замыкается на **политике в широком социальном контексте**, куда закономерно попадают все существующие типы (виды) политики как таковой: экономическая, финансовая, аграрная, образовательная, культурная, гендерная, экологическая и даже градостроительная. Соответственно, объект **политической социологии** сужается до рамок собственно оценки власти и властных отношений⁹.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все российские исследователи согласились с предложенным компромиссом. Например,

в известном учебнике Г.К. Ашина, Э.Д. Лозанского, С.А. Кравченко «Социология политики» объект дисциплины связывается с **реальными политическими процессами** в целом, качественная определенность которых выстраивается в относительном отрыве от их **нормативной** базы. Нормативность, наряду с высоким уровнем обобщения политической жизни общества, является, по мнению авторов, прерогативой **политической философии**¹⁰.

Акцентуализация внимания на **реалиях политической практики** как объекте политической социологии исключает саму возможность искусственного «препарирования» власти и политики уже потому, что вне сопряженности двух этих феноменов (власть и политика) потенциал «понимающей социологии» резко снижается. Политика есть функция власти. Поэтому дать ей адекватную оценку в отрыве от основного субъекта (например, правящей элиты), определяющего актуальное содержание политического курса страны («политическую политику»), органично связанного к тому же со всеми без исключения типами (видами) социальной политики государства, представляется маловероятным. Как, впрочем, парадоксальной представляется оценка власти (властных отношений) вне сути ее политики – основного критерия эффективности властных полномочий. Поэтому попытки сужения объекта политической социологии до политического процесса вне его основного субъекта власти, равно как и наоборот – власти вне ее основной функции – политики, лишены, надо признать откровенно, и практического и теоретического смыслов.

В этой связи логические аргументы в пользу дифференциации понятий «политическая социология» и «социология политики» выглядят скорее малоубедительными, чем достаточными, для сомнений в факте принадлежности этих понятий к одному **синонимическому** ряду.

Прогрессирующая сегментация в спектре политических наук, основанная на критерии **эсклюзивности** объекта дисциплинарного интереса, представляется нам методологически **ошибочной**, в том числе и с **познавательной** точки зрения, либо «уводит» в сторону от практического углубления в суть политических реалий, изучать которые невозможно иначе как частные случаи более общих социальных и психологических отношений. «Растущее сотрудничество, а также принятие общих концепций и методов среди тех, кто изучает политическое поведение в рамках политической науки, социологии, психологии и антропологии (три последние признаны ныне субдисциплинами, имеющими дело с политикой), является новым доказательством исходного единства социальных наук. Изучение человека в обществе не может быть плодотворно при разобленном анализе ключевых проблем»¹¹.

Таким образом, методологические попытки размежевания дисциплин политического спектра, основанные на идее дифференциации их **объектов**, выглядят бесперспективными. Плюрализм общих проблем, отражающий многообразие сходных тематических ориентаций и объектных акцентуализаций, может свидетельствовать лишь об одном – о **всепроникающей власти политики**. Трудно отыскать сферу нашей жизни, которая могла бы служить образцом «девственной чистоты» с точки зрения политического влияния. Поэтому многолетние попытки объектной дифференциации дисциплин политического спектра убеждают скорее в обратном – их объектной **тождественности**. Признать данный научный факт представляется нам проблемой куда более принципиальной, чем искать аргументы в пользу их дальнейшей **прогрессирующей сегментации** по критерию сознательного сужения объекта дисциплинарного интереса.

3. Предметная специфика: достижение консенсуса или изобретение велосипеда?

Аспективность в подходах к ответу на вопрос о **предметной** специфике политической социологии свидетельствует о его предельной **запу-**

танности. Ввиду ограниченных рамок статьи мы сознательно уходим от доказательной базы, обязывающей обратиться к исторической ретроспекции данного сюжета. Чтобы избежать упреков в голословности, советуем заинтересованным читателям обратиться к любому учебнику по политологии или политической социологии (или социологии политики) и проанализировать их на предмет **богатой вариативности** попыток прочтения исследователями специфики предмета политической социологии.

Вместе с тем следует констатировать, что в последнее время в отечественной политической социологии наметился, наконец, **качественный скачок**, выразившийся в том, что ответ на поставленный вопрос (предметная специфика?) получил **конкретные очертания**. В качестве доказательства мы вынуждены опять апеллировать к опыту российских коллег.

Объектная фокусировка политической социологии замыкается на «политической жизни гражданского общества», а **предметная** – на «политическом сознании и политическом поведении людей»¹². Справедливости ради следует признать, что авторам удалось успешно реализовать основной **методологический посыл** относительно предметной специфики политической социологии, связанный с оценкой обозначенных реалий политического поля через **интеракции** его основных **контрагентов**, в первую очередь человека, личности, гражданского общества.

Размежевание с политическими науками, таким образом, базируется, по существу, на **социологическом методе**, раскрываемом как анализ восприятия и оценки политической жизни «снизу», от человека и гражданского общества. С учетом **инструментальной** ценности социологии, сфокусированной на анализе **общественного сознания** в целом, включая все его содержательные формы (экономическое сознание, культурное сознание, религиозное сознание и др.), можно допустить, на наш взгляд, и **более широкое** толкование предмета политической социологии, тем более, что сопряженность политического сознания гражданского общества (предмет политической социологии) со всеми другими формами общественного сознания не требует дополнительных аргументаций. Например, практика политических реалий всего трансформационного периода убедительно продемонстрировала тенденцию, когда именно экономическое сознание (даже на уровне весьма иллюзорной самооценки со стороны массового сознания) становится тем решающим фактором, который предопределяет политическое поведение, политическую культуру и политическое сознание субъектов политического поля. А поскольку **объяснительная** способность **общественного сознания** в анализе политического поведения гражданского общества потенциально **выше** рамок собственно политического сознания, то логично предположить целесообразность более тесной увязки предмета политической социологии с теми возможностями, которые предоставляет **социологический метод**. В этом случае предмет политической социологии можно интерпретировать как анализ политических реалий с точки зрения их восприятия и оценки общественным (массовым) сознанием, не ограничиваясь одной из его форм (политическим сознанием). Хотя в любом варианте важно понять главное: отличие политической социологии от других дисциплин политического спектра основано на **социологическом методе**, инвестированном социологией в анализ политических практик.

Идея, надо признать, не оригинальная. Попытки обоснования предметной специфики политической социологии через социологическую **предметную методологию** прослеживаются у американцев еще с середины XX ст. Например, у Дэвида Истона, известного своей идеей **кибернетического** подхода к анализу политических систем¹³.

Автор рассматривает две **культурологические модели** возможного решения проблем, объективированных в научном опыте политических исследований американского общества середины XX ст. Первая предполагает

развитие исследовательской логики в направлении сверху вниз: властвующая элита с ее политическими установками, стратегиями, целями, задачами (ввод) и гражданское общество (вывод). Вторая модель, напротив, отталкивается от гражданского общества с его ценностями, ожиданиями, установками (вывод), двигаясь к верхушке властвующей пирамиды (вывод). В обоих культурологических подходах заключительный этап (вывод) выступает в роли **ретранслятора** содержания начального этапа (ввода). Смысл в том, что в обоих вариантах ввод – вывод меняются местами с точки зрения представительности субъектов политического процесса: политические (властвующие) элиты и их диспозиция в лице гражданского общества.

Важно отметить также, что «переключение» внимания американских политических социологов на **гражданское общество** как отправную точку в анализе политических процессов не было случайным. Исторические предпосылки перехода от одной культивируемой исследователями методологической парадигмы (довоенной) к другой (послевоенной) связаны с началом **второй волны демократических преобразований** в мире, последовавшей сразу после слома гитлеровской диктатуры и нарастающего страха американского общества перед диктатурой сталинской. Поэтому смысл «переключения» исходных методологических установок с объекта власти на объект гражданского общества – в поиске путей противостояния господству тирании посредством изучения **ценностных** приоритетов массового сознания как исходной базы принимаемых властью политических решений. Содержательная несостыковка между «вводом» в систему и «выводом» из нее оставляет резерв для последующей коррекции политических решений как обязательного условия легитимизации власти и демократизации общества. Показательна в этой связи сопряженность в едином временном контексте двух факторов: внедрение принципиально новых методологических подходов к анализу политических процессов и конституирование нового научного направления – политической социологии. Ее **предметная методология** наиболее органично вписывалась в содержание принципиально новых культурологических концептов второй волны демократических преобразований в США и Западной Европе.

Практически аналогичная мысль о **приоритетности социологической методологии** как фактора, предопределившего становление политической социологии и специфику ее предмета, достаточно однозначно проводится и самим основоположником дисциплины политическим социологом С.М. Липсетом. Хорошо известен факт, согласно которому сам ученый, поставленный в условия жесткой альтернативы выбора – «политолог или социолог?», всегда отдавал предпочтение социологии. При этом аргументация связывалась с наличием у последней **собственного метода**, ассоциирующегося с известным методологическим концептом М. Вебера «о соотношении с ценностью, но свободы от оценок».

Но, пожалуй, наиболее выразительно идея приоритетности социологической методологии (социоанализ) в изучении поля политики прозвучала в работах самого яркого представителя политической социологии современности французского исследователя П. Бурдьё. Поскольку вклад ученого, помимо прочего, связан с практическим опытом создания **теории поля политики**, остановимся на его методологической парадигме чуть подробнее.

Первое, что обращает на себя внимание, – П. Бурдьё абстрагируется от методологических **стереотипов** предметно-объектного дискурса и при этом достигает главного – раскрывает специфику социологии политики как **критической рефлексии политической практики, основанной на методологии социоанализа**.

Речь здесь идет о принципиально ином подходе к пониманию политической социологии, где «царствует» свободный от дисциплинарных ограничений, независимый от чьих-либо амбиций и интересов, ответственный своей

в высшей степени гражданской позицией и потому системно критически рефлексирующий субъект социологического анализа.

Особая миссия в данном процессе принадлежит социологу, инвестирующему свой профессиональный и интеллектуальный, более того, нравственный и символический капитал в бескомпромиссный анализ окружающей его реальности¹⁴.

Эксплицированный в работах П. Бурдьё методологический подход к анализу политических реалий выразителен прежде всего тем, что не допускает ограниченности предметными рамками, так как дискуссия о предметной специфике заведомо представляется автору бессмысленной. Аналогично объектные рамки своей социологии политики он воспринимает значительно шире собственно поля политики. Утверждая принцип **гомологии** пространственных структур и полей, сопряженности физического и социального пространства, а также видов капитала, он рассматривает поле политики (как, впрочем, и социологию в целом) как **объективированную топологию** позиций – диспозиций, понять и объяснить которую в отрыве от принципа широкой социальной контекстуальности невозможно в принципе. Было бы ошибочным трактовать социологию политики П. Бурдьё с точки зрения исключительно **аналитически-эмпирической** модели познания политических процессов. Вся ценность его социологии политики как раз и состоит в стремлении вписать объективированные в практическом опыте эмпирические факты социальной реальности (политической в том числе) в контекст «понимающей социологии», транслируя их осмысление на уровне эмпирических и далее – теоретических **закономерностей**, что, собственно, и позволяет нам сегодня говорить об определенном пороге их универсальности, т. е. **теории среднего уровня**. Убедительным доводом сказанному является тот факт, что теория П. Бурдьё прекрасно «ложится» на нашу отечественную почву современных политических реалий. Вот почему его работы, переведенные и изданные у нас, пользуются огромным интересом в профессиональной среде, несмотря на сомнения в этом самого автора, высказанные им в «Предисловии» к изданию работ на русском языке.

Значение политической социологии П. Бурдьё переоценить сложно. Сформулированные им закономерности функционирования поля политики вооружают исследователей методологически, ибо задают **алгоритм** прочтения политических реалий. Предложенная им схема трансформируется в определенную **ментальную структуру**, своеобразный **профессиональный габитус**, расширяющий горизонты понимания объекта анализа. Именно подход П. Бурдьё как нельзя более выразительно раскрывает **специфику** политической социологии, несмотря на то, что сам автор концепции никогда так конкретно вопрос не ставил. Социология политики содержательно объективируется не иначе как **критическая рефлексия политических практик** посредством использования имплицитно присутствующего социологии **метода** научного исследования в его преломлении к анализу политики со всеми ее многоаспектными проявлениями в социальной реальности. А сама политическая наука (политическая социология) есть ничто иное, как **рационализация компетентности**, которой требует **универсум** политики и которой профессионалы владеют на практике¹⁵.

Становление любого научного знания начинается с вопроса о предмете его исследовательского интереса. Поэтому совсем не случайно данный вопрос инспирировал длительную дискуссию в среде отечественных политологов. Однако развернувшаяся дискуссия давно «обросла длинной бородой». Чтобы решить эту проблему, необходимо достижение **консенсуса**. Сегодня это не просто акт intersubъективного соглашения, стоящего за развитием любого научного познания. Сегодня – это вопрос **нравственного** характера, предполагающий **признание** того научного багажа, который, честно говоря, нам не принадлежит. Но создается впечатление, что нам

легче согласиться с незауалированными попытками очередных научных компиляций и «изобретений велосипедов», чем преодолеть этот нравственный порог признания зарубежного опыта.

4. Закономерности политической социологии: затяжной прыжок или торможение?

Сразу оговоримся, что, формулируя задачу конструирования закономерностей политической социологии как первостепенную для ее современного состояния, мы отдаем себе отчет в реальных границах их **универсальности**. Речь идет о закономерностях **теории среднего уровня**, универсалии которой имеют, безусловно, ограниченный характер как с точки зрения общей методологии науки, так и в плане возможной их **фрагментарности** (ситуативности) в контексте исторического процесса в целом, а также конкретного его этапа.

Надо признать, что и сама фрагментарность закономерностей, особенно в политической сфере, может быть следствием других, более значительных (или даже глобальных) процессов конкретного исторического этапа развития общества, равно как и следствием случая или чьей-то воли. Так, например, крах двух ведущих политических идеологий XX ст., противостояние между которыми описывалось известной дихотомией «левые – правые», т. е. между идеологией социализма и либерализма, имел своим прямым следствием актуализацию именно **общественной фрагментации**. До настоящего момента мы не можем с абсолютной точностью утверждать истинную природу, например, крушения социалистической идеологии, как, впрочем, и системы в целом. Были ли эти процессы объективно обусловлены или, скажем, явились следствием предательства со стороны правящей элиты, расскажет история. Но параллельно с ослаблением интеграционной мощи ведущих идеологий появился целый калейдоскоп новых идеологий: феминизм, энвайронментализм, экстремизм, национализм и т. п. Сегодня мы не можем точно определить степень их серьезности и перспективности, но от этого сам факт их выдвижения на авансцену политической жизни общества вполне заслуживает определения **закономерностей**, соответствующих современному состоянию общества в условиях его постидеологизации¹⁶. Поэтому **временность** характера политических закономерностей нельзя считать аргументом, вполне достаточным для отрицания их статус-кво. Как нельзя абстрагироваться от ряда закономерностей наших современных политических реалий, ставших прямым следствием случая или чьей-то воли. В конечном итоге в том и выражается специфика обществоведческой (политической) науки, что она очень часто имеет дело с **субъективной предопределенностью** как причины, так и следствия. Принцип **неограниченной универсальности** здесь редко работает. В этой связи абсолютно методологически правомерной нам представляется коррекция в подходах к теории политики в том, что «закономерности в сфере общественных явлений, в принципе, никогда не имеющие универсального характера, можно было бы рассматривать как некую форму общих утверждений, которым не свойственна полная универсальность»¹⁷.

Мы преднамеренно позволили себе столь пространный акцент на методологических аспектах теории дисциплины, ибо глубоко убеждены в том, что наблюдаемая в отечественной практике парализация наших политических социологов в анализе, оценке и артикуляции закономерностей развития актуального поля политики является прямым следствием стереотипизации их профессиональной ментальности, настроенной на волну **великих императивов**, претендующих на универсальную значимость, но, как оказалось, разлетевшихся как домик из кубиков.

Закономерности политической социологии всегда формировались в рамках **аналитико-эмпирической** модели развития научного знания.

Наглядной иллюстрацией обозначенного вывода может служить, в частности, предпринятая С.М. Липсетом попытка **опровержения** гипотезы о стабилизации демократического развития страны посредством ее стратегической ориентации на политику быстрого экономического роста (экономический детерминизм). Сравнительный анализ полученных данных, отражающих широкую вариативность политических практик в различных регионах мира, убеждает исследователя в неоднозначности выдвинутого предположения. Высокие темпы индустриализации и капитализации страны приводили к разным последствиям с точки зрения устойчивого характера их демократизации. Например, на базе быстро развивающейся промышленности Швеции в рамках профсоюзов и социал-демократической партии возникло левое движение и параллельно анархо-синдикалистское направление. Норвегия была единственной западноевропейской страной, находящейся в фазе быстрой индустриализации, когда был создан Коминтерн, а Норвежская рабочая партия была единственной, почти целиком перешедшей на сторону коммунистов. Напротив, медленный и постепенный процесс индустриализации в Дании был сопряжен с фактом позиционирования ее социал-демократического движения в реформистском, умеренном и скорее немарксистском политическом крыле.

Таким образом, основанное на **дедуктивной** стратегии (проверке изначально сформулированного теоретического предположения) исследование С.М. Липсета представляет собой пример аналитико-эмпирической модели реализации авторского проекта, включающей эмпирическую классификацию стран по критериям их демократической верификации (стабильные и нестабильные) в случае с европейскими и англоговорящими странами, выраженности диктатуры (стабильные – нестабильные) в случае с латиноамериканским регионом, сравнительного анализа сопутствующих им темпов экономического (индустриального) развития, коррелируемого с мерой выраженности экстремистского (левого) движения в среде рабочего класса¹⁸.

Понятно, что тезис о доминировании аналитико-эмпирической модели конструирования наших закономерностей звучит несколько пространно, особенно с точки зрения отражения отечественных традиций **содержательной наполненности** данной методологической модели. В нашем случае она была ограничена форматом позитивизма, где решающим оставалась **приоритетность количественной определенности** эмпирических результатов, понимаемых как констатация **социальных фактов**. Утвердившаяся практика, кстати, способствовала неоправданной коррекции основного социологического **метода** сбора эмпирической информации – **изучению общественного мнения**. Последнее развивалось в традициях **монистической** трактовки, где статусная определенность субъекта общественного мнения оценивалась с позиции его **большинства**. **Плюралистическая** парадигма, взявшая на вооружение принцип многообразия (включая меньшинство) субъектов общественного мнения, была принята на вооружение лишь в последнее десятилетие. В этот же период методологическая установка опоры на традиции веберовской «разумной социологии» получила мощный импульс своего применения на основе стратегии **индукционизма** и соответственно распространившихся в отечественной практике **качественных** методов исследования.

Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что отечественная политическая социология располагает мощной **эмпирической базой данных**, позволяющей **объективизировать закономерности** функционирования всех ведущих концептов объектной ориентации политической социологии – власти, политики и гражданского общества. Содержание закономерностей политической социологии раскрывается через совокупность относительно **устойчивых связей и корреляций**, имплицитно характерных массовому сознанию (общественному мнению) в его восприятии и оценке власти

и политики, т. е. в его конкретном преломлении к политическим реалиям современности. Весь комплекс закономерностей можно условно разбить на два блока: 1) закономерности функционирования субъектов политики (правлящей элиты, контрэлиты, политической элиты в целом, партий, политических лидеров, института общественного мнения и др.), 2) закономерности процессуального аспекта политики (демократического развития, электорального поведения, политических конфликтов, политической активности и политической культуры и др.).

Актуальное содержание отечественного поля политики с *точки зрения общественного (массового) сознания* раскрывается через закономерность резкого падения авторитета *либерально-демократической* модели развития. Данная закономерность явилась следствием другой закономерности: *адекватной* оценки того трансформационного опыта, которому было подвергнуто все постсоветское пространство и который с позиции гражданского общества вряд ли можно назвать опытом удачной модернизации.

Роковой ошибкой начального периода трансформаций стало пренебрежение к *социальному благу*, что поставило население перед необходимостью *спонтанного самовывживания*, переоценки ценностей и резкой нивелировки эйфории по поводу демократических перспектив. Параллельно росло *политическое отчуждение* между гражданским обществом и его политической элитой, которая оказалась *несостоятельной* в грамотном регулировании процессом социальных реконструкций, кстати ею же и заявленных.

Общественное сознание уже к середине 1990-х гг. обнаружило тенденции, выраженные в *предпочтительности ценностей* «дисциплины» и «порядка» как основополагающих целевых ориентаций политики государства на ближайшие десятилетия. Параллельно уже к этому периоду в массовом сознании произошел *резкий скачок* в направлении приоритетности сильной власти в руководстве и авторитарной формы правления. Именно данными закономерностями объясняется феномен политического лидера Беларуси, которому удалось не только взять власть в свои руки (1994), но и удерживать на протяжении ряда лет сравнительно высокую планку своего рейтинга (устойчивый электорат – 42 %).

Широкая социальная опора официального курса страны была обусловлена его выраженной *направленностью* на *доминирующие в общественном сознании закономерности* непопулярности радикальной приватизации и утверждение принципов взвешенной политики с акцентом на социальную ориентацию.

Параллельно в массовом сознании практически на всем временном интервале отечественных трансформаций оппозиционные силы никогда не имели широкой социальной поддержки (в среднем около 16 %). Феномен белорусской оппозиции с точки зрения его оценки массовым сознанием ассоциировался с *отсутствием конструктивной позиции* и стремлением к захвату власти, что в значительной степени объясняется восприятием руководящего звена оппозиции как *аутсайдеров-перебежчиков*, которые до определенного времени сами находились у власти либо на солидных должностях в госсекторе, а затем по неизвестным (массовому сознанию) причинам были вынуждены пополнить ряды оппозиционеров.

Вместе с тем плюрализм общественного мнения отражен еще в одной любопытной закономерности – *сравнительно высоком удельном весе* той части электората (около 30 %), кто держит *нейтральную позицию* по отношению к правящей элите и контрэлите. Оригинальность положения данной части электората отмечена *выжидательной позицией* и поиском «своего героя», не связанного ни с властвующей элитой, ни с ее оппозицией. И только *бедность политического рынка* Беларуси и отсутствие *конкурентоспособной* действующему президенту личности объясняют пролонгированный во времени нейтралитет данной части белорусского электората.

Далее. Закономерности, объективированные в белорусской базе данных, опровергают гипотезу опытной (институциональной) модели развития демократии и возможности ее инвестиции в практику жизнедеятельности страны с далекими от демократической ментальности **культурными традициями**. Замеры, осуществленные как в сегменте гражданского общества, так и его правящей элиты, проиллюстрировали отсутствие усвоения демократических ценностей. Последнее позволяет связывать прогнозную модель развития демократических основ общества с длительным **эволюционным** (слава Спенсеру!) процессом органичного включения общества в демократический контекст.

Этот перечень можно продолжить, указав на закономерности доминирования подданического-патриархальных тенденций в политической культуре гражданского общества, неразвитости партийного строительства, застывшего на этапе агрегации и артикуляции партийных интересов и принявших формат элитарных образований, не имеющих широкой социальной поддержки, институционализации общественного мнения, демонстрирующего беспрецедентный для истории страны случай противостояния правящей элите (1994) и др.

Все это и многое другое, что вписывается в контекст **закономерностей** функционирования актуального поля политики, как раз и очерчивает тот содержательный спектр проблем, которые требуют дальнейшего теоретического осмысления и достойного позиционирования в теории среднего уровня – современной политической социологии. К сожалению, сегодня теоретический блок дисциплины представлен во всех без исключения учебниках в двух весьма ограничивающих нашу сюжетную линию плоскостях.

С одной стороны, это эволюция основных идей (философских, политических, социологических и т. п.) о политике (власти, обществе), причем представленных достаточно широко, начиная от Конфуция, Платона, Аристотеля и заканчивая современными аналогами социологических воззрений Т. Парсонса, П. Бурдьё, А. Шюца, Н. Лумана, И. Валлерстайна, Н. Смелзера, У. Бека, А. Гидденса и др.

С другой стороны, теоретико-методологические аспекты анализа современных политических концептов (власти, элиты, лоббизма, партий, гражданского общества и т. п.), но преимущественно с позиций их **нормативной** сущностной определенности.

Что касается теоретического осмысления разворачивающихся на наших глазах политических практик, пусть даже на уровне **общих утверждений** (если не закономерностей), то их очевидная невыразительность в контексте современной политической социологии все более напоминает **эффект торможения** перед закрытой дверью, ведущей в никуда.

¹ См.: Липсет С. М. Политический человек. Социальные основы политики // Полит. наука. 2011. № 3. С. 200–201.

² См.: Политическая социология / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2012.

³ Попова О. В. Зарубежная политическая социология (1995–2011) // Полит. наука. 2011. № 3. С. 12.

⁴ См.: Политическая социология. С. 22–23.

⁵ Крауз-Мозер Б. Теории политики. Методологические принципы. М., 2008. С. 22.

⁶ Липсет С. М. Политический человек. Социальные основы политики // Полит. наука. 2011. № 3. С. 216.

⁷ Там же. С. 229.

⁸ См.: Попова О. В. Указ. соч. С. 20–21.

⁹ См.: Политическая социология. С. 22–23.

¹⁰ См.: Ашин Г. К., Лозанский Э. Д., Кравченко С. А. Социология политики. М., 2001. С. 257.

¹¹ Липсет С. М. Указ. соч. С. 197.

¹² Политическая социология. С. 25–29.

¹³ См.: Истон Д. Системный анализ политической жизни. Нью-Йорк, 1965.

¹⁴ См.: Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 27.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков, 2009. С. 278–282.

¹⁷ Крауз-Мозер Б. Указ. соч. С. 178.

¹⁸ См.: Липсет С. М. Указ. соч. С. 218–226.